

Нынешний сезон в британском балете блистает несколькими интересными работами. Приверженность британцев классическому репертуару известна: ее демонстрируют, в частности, постановки театра "Бовен-гарден". Вновь попытка осмыслить "Лебединое озеро" и "Шотландский балет". Уникальный спектакль, долгие годы хранивший традиции Петипа и Иванова, в последнее время стал чем-то вроде полигона для увлеченных форматворчеством постановщиков и художников.

Сцена из спектакля "Физерстоунхау едут в Лас-Вегас"

Отражения в "Лебедином озере"

Культура - 1995 -
24 июня - С.Н.

Балет

**М. ВЛАДИМИРЦЕВА,
по материалам
"Санди таймс"**

Но не только классикой жив балет: задорные скетчи Лси Андерсон вносят модернистские тона в его мозаику.

Об этих новинках — рассказ на страницах "Санди таймс".

Каждая уважающая себя балетная компания знает, что если не сумеет предъявить театр с "Лебединым озером" в репертуаре, то может спокойно прикрыть лавочку. Это — самый знаменитый балет во все времена. Ни Чайковский, когда писал музыку, ни Петипа и Иванова — когда создавали свою классическую постановку, не могли предвидеть, что столетие спустя их труд будет приносить хлеб с маслом бесчисленным театральным труппам по всему свету. Это, безусловно, шедевр, уникальный по своей художественной форме. Ведь нет ни литературной, ни драматической, ни оперной версии "Лебединого озера". Но при этом он же — первая колесница, на которой ввозят верительные грамоты балетной труппы.

Помимо рекламной нагрузки, над балетом висит постоянная угроза пасть жертвой причуд постановщика или оформителя. Будет ли театр верен традициям или бросится на поиски новых концепций, собираясь ставить еще одно "Лебединое озеро"?

Новая версия на сцене "Шотландского балета" в постановке Галины Самсовой с оформлением Джаспера Конрэна стремится примирить оба направления — и в результате получается двойное вероисповедание. За 25-летнюю историю театра это всего лишь вторая попытка поставить прославленный балет. Первую осуществил покойный директор — основатель театра Питер Дэррелл. Спектакль прожил столь долгую сценическую жизнь, что его возобновление кое-кто мог бы посчитать расточительностью. Но не будем забывать справедливости ради, что версия Дэррелла была очень оригинальна и мистична, подчеркивала прежде всего богатство готической фантазии. Дэррелл добавил собственный поворот фабулы. В результате принц Зигфрид превратился в наркомана, а царевна-лебедь Одетта являлась к нему в виде роковой галлюцинации. Версия была, прямо скажем, весьма своевольная и спорная, но в смысле концепции и дизайна, несомненно, интересная.

Самсова, нынешний директор компании, в своей новой постановке гораздо более последовательна. У нее нет перекутов сюжета или психологических новшеств. В прошлом — классическая балерина, она и в качестве продюсера следует классическим образцам. Она стремится облачить проверенную временем "добрую старую историю" в танцевальную ткань, которая объединяет признанную хореографию (Иванова и Петипа плюс более поздние изменения, добавленные на русской сцене) с несколькими гармонично влившимися танцами, созданными ею самой. Сюжет она оставляет в неприкосновенности. В этом отношении с постановкой все в порядке.

Не в порядке только оформление. В прошлом сезоне "Шотландский балет" заказывал костюмы для "Спящей красавицы" у Джаспера Конрэна, одного из ведущих британских дизайнеров. Возможно, результат мог кого-то устраивать (хотя и не всех). Поэтому Конрэн был вновь анга-

жирован как для создания костюмов, так и декораций (это была его первая проба в классическом балете). Единственное, чего удалось добиться кутюрье, — его творения стягивают все внимание зрителей на себя и выглядят абсолютно неуместно.

Постановка Самсовой начинается с пролога (под увертюру), в котором волшебник фон Ротбарт похищает Одетту и превращает ее в лебедя. Она срывает золотые яблоки с голубого дерева на зеленом фоне. В первом акте Конрэн экипировал придворных в пастельные костюмы XVII века — прелестные, но совершенно неподходящие к общему духу балета. Он украшает эту сцену зарослями ярко-зеленых листьев (почему-то без цветов) и небудительной панорамой явно игрушечного дворца.

Бальный зал (акт III) представлен густо-синим с золотыми полосками и мог бы сойти как фон для служебного банкета в гостинице, но совсем не смотрится в лебедином дворце. И обитатели его выглядят неловко, наряженные в красное, пурпурное, синее и черное. Среди них выделяется один бедный танцор с невыразимо фальшивой бородой, уместной исключительно на древних ассирийских фресках. На предполагаемых невестах принца одинаковые черные посеребренные костюмы, словно все они побывали у одного портного. (Так оно и есть — но стоит ли это афишировать?). Как бы то ни было, на сцене слишком много народу в черном, и это портит эффект появления в падении Черного Лебедя — Одиллии.

Лучше всего удалась сцены в окрестностях озера с серыми камнями на фоне бирюзовой мглы. Хороши и пачки балерин — поскольку сделаны в традиционном стиле. Свободная от назойливого дизайна, хореография достигает здесь вершины своих возможностей. Поэтому, несмотря на проблемы в предыдущих сценах, последний акт — несравненно удачнее — успешно следует к своей трагической развязке. Дарья Климентова создает образ весьма экспрессивной Одетты — Одиллии. Ей искусно составляет пару Ханс Нильссон из Королевского Шведского балета — как пылкий и галантный принц.

Если не думать о хаотичном танце маленьких лебедей (этому номеру трагически не везет), лебединый кордебалет танцевал великолепно. И на их фоне два кавалера в испанском танце в сцене бала так старались превзойти самих себя, что выглядели слегка спятившими.

Еще одна новинка нынешнего танцевального репертуара Британии — но совершенно иного рода — спектакль под названием "Физерстоунхау едут в Лас-Вегас". Танцует "Фэншоуз", этот полностью мужской танцевальный ансамбль — близнец более известной, полностью женской арт-компании "Чолмонделиз" (в сокращении — "Чамлиз"). Их создала хореограф Леа Андерсон.

Новая работа "Фэншоуз" — это бездна веселья, даже при том, что зритель не всегда понимает, о чем идет речь.

Прыжки чередуются со стойками на голове, вращениями и падениями. Для обоих танцевальных групп Андерсон изобретает остроумные танцы.

Одна из самых забавных сценок необыкновенно проста: трое парней с абсолютной синхронностью быстро меняются местами на солидных стульях с высокими спинками.

Таковы британские игры в саду Терпсихоры.